

ЛЕОНАРДО САЛЬВИАТИ О ПОХВАЛЕ ФЛОРЕНТИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ревакина Нина Викторовна доктор исторических наук, профессор, исследователь по договору Научно-образовательного центра интеграции науки и образования Ивановского государственного университета. Иваново.

Италия в эпоху Возрождения была политически раздробленной страной, состоявшей из ряда республик, королевства, городов-государств, ставших позже герцогствами, графствами, маркизатами. Раздробленность страны не способствовала развитию национального самосознания, и этим Италия отличалась от объединенных Англии, Франции, Испании. Но и в Италии даже при отсутствии национального объединения в эпоху Возрождения шел процесс сплочения, и шел он через культуру. Гуманисты не были строго связаны пребыванием в одном городе-государстве, в одном регионе. Достаточно вспомнить Данте, Ф.Петрарку и Дж. Боккаччо, и позже – Л. Валлу, Л.-Б.Альберти и др. Тем более это касается художников, скульпторов, архитекторов. Разбросанные по всей стране гуманисты и люди искусства перемещались из одной местности в другую, ощущая (по крайней мере, гуманисты) свое внутреннее родство.

Гуманисты были связаны общностью культурных истоков (античность и древнее христианство) и задач, сформулированных еще Петраркой. Говорить об элитарности гуманистической культуры надо с осторожностью. Ведь значительная часть гуманистических работ в XV в. была посвящена проблемам воспитания и образования; гуманисты, помимо правителей, которым они посвящали работы, обращались и к родителям (М.Веджо, например), а некоторые ученики известных педагогов, к примеру Витторино да Фельтре, шли в городские школы преподавателями, «публичными лекторами» (*lettori publici*), читали лекции в городах для всех желающих; гуманисты трудились и в университетах (Падуи, Флоренции, Болоньи), так что их идеи распространялись

по всей Италии [9, с.23-34]. XV в. подготовил почву для XVI в., несчастливого времени для Италии из-за Итальянских войн. Но начатый процесс культурного единения продолжался. Свидетельство тому – широко прокатившиеся в первой половине XVI в. дискуссии о языке. Конечно, участникам дискуссий этого времени были предшественники и в более ранний период.

XIV в. дал первые сочинения на вольгаре, т.е. народном или итальянском языке. На нем написан ряд работ Данте, Петрарки и Боккаччо; Данте принадлежат и первые размышления об итальянском языке как «народной италийской речи», относящейся ко всей Италии в целом [6, С.287; 2, С.330-344; 10, Ч.1. С.9-140]. Затем наступил XV век - время страстного увлечения античностью и латинским языком. Но и в XV в. среди гуманистических работ встречались сочинения на вольгаре (М.Пальмиери «О гражданской жизни», Альберти «О семье», поэзия на вольгаре – Л.Медичи и др.[5, С.161-197]. Более того, Альберти касается вопроса о языке не только в предисловии к 3 книге трактата «О семье», он пишет специально «Правила флорентийского языка» (приблизительно ок.1454). Эта работа, обнаруженная в XIX в., впервые была опубликована в 1908 г.; ее авторство было предметом дискуссий, но сейчас оно считается бесспорным [10,С.392-393]. Работа Альберти, по мнению Л.Г.Степановой, «не столько справочное пособие по итальянскому языку, сколько аргумент в споре с гуманистами, признающими только древний латинский язык и не способными разглядеть регулярный строй в новом народном языке. [10, С.395]. Грамматика Альберти является не только первой итальянской грамматикой, но и первым примером сознательного освоения латинской грамматической терминологии народным языком. В завершении своего труда Альберти писал: «Слава Господу, теперь и у нашего языка имеются его основания. Вот уж не гадал, что и это я смогу одолеть» [10, С. 397].

В XV-XVI вв. вольгаре широко распространен, существуют отдельные его диалекты - в Венеции, Генуе, на Сицилии, в разных городах Тосканы и в других местах.

Когда в XVI в., в его первой половине, развернулись споры о языке¹[10, Ч.2, С.222-310; 12, гл.10, С.270-283], внимание спорящих сосредоточилось на нескольких важных вопросах: какой язык выбрать, сохранить ли латинский язык в качестве основного культурного языка итальянцев или же взять за таковой вольгаре; если отдать предпочтение вольгаре, то какой язык предпочесть: язык писателей XIV в. (Данте, Петрарки, Боккаччо), флорентийский разговорный язык (узус), язык придворных и др. Должен ли быть языком для всех язык флорентийский или общий, включающий слова из разных диалектов? А.В. Топорова справедливо замечает: «Для долго и мучительно формировавшейся нации вопрос о создании (выборе, поиске) единого литературного языка и о том, каким он должен быть, превратился в жизненно важную проблему, от решения которой зависели пути ее дальнейшего развития» [12, С.270].

Ряд гуманистов (Ромоло Амадео, Франческо Флоридо, Карло Сигонио и др. выступили в защиту латинского языка, а вольгаре защищали Пьетро Бембо, Дж.Муцио, Дж.Триссино. У Триссино (*Epistola de le littere nuovamente aggiunte ne la lingua italiana* - Эпистола о литерях вновь прибавленных к итальянскому языку, 1524) впервые появляется слово «итальянский», причем в заглавии. Итальянский язык для него это общий язык, который должен включать в себя слова из разных диалектов. На таком языке, а не на флорентийском диалекте, считает он, писали Данте и Петрарка.

Пьетро Бембо (*Беседы о народном языке*, 1524), напротив, защищает вольгаре, народный язык, и лучшим из диалектов считает флорентийский язык великих мастеров XIV в [3, С.33-49,11, 73-180] . Н.Макиавелли в «Речи, или диалоге о нашем языке» (1514-1516) исследует язык «Божественной комедии» Данте и в придуманном им разговоре с Данте доказывает, что тот писал на флорентийском языке, опровергая тезис об общем для Италии, или куриальном языке (языке папской курии, придворном), ибо все такие языки имеют основу, заимствованную у флорентийских писателей и флорентийского язык [8, С.59-71]. Бенедетто Варки (1503-1565) в споре о языке защищал живой

¹ Эти споры хорошо изучены в нашей литературе в работах Степановой Л.Г., Топоровой А.В. и др.

флорентийский разговорный: он дал свою классификацию языков, положительные характеристики которой (изначальный, письменный, живой, благородный, родной и др.) отнес к флорентийскому языку) [10, С. 261-263].

Учеником Варки был итальянский литератор Леонардо Сальвиати (1540-1589), о котором в дальнейшем пойдет речь. Его перу принадлежат «Замечания о языке «Декамерона» (1582), лекции «О поэтике»(1564), комментированный перевод «Поэтики» Аристотеля (1586), две комедии.

Свою речь о флорентийском языке, которая и будет предметом нашего интереса, он произнес во Флорентийской Академии в 1564 г., т.е. в молодые годы (ему было 24 года). Флорентийская Академия была учреждена указом Козимо Медичи в 1541-1542 гг., стала официальным органом, призванным заниматься изучением итальянского языка. Она уравнивалась в правах и привилегиях с университетом. В ее состав вошли наиболее известные ученые того времени – Бенедетто Варки, Пьер Франческо Джамбуллари, Джамбаттиста Джелли и др., позже - Леонардо Сальвиати.

В начале своей речи Сальвиати говорит о связи литературы (*scrittura*) и разговорного языка, что важно для его принципиальной позиции. «Никакое наилучшее и более успешное (счастливое) дело не может исходить от людей, чем из писаний... только они из всех других вещей могут увековечить и умножить интеллект человека в этом мире. А вслед за писаниями какой труд может сделаться более похвальным и лучшим, чем говорить друг с другом, улучшая и прославляя те языки, какие особенно способны дать им большее совершенство? Таким, без всякого сомнения, благороднейшие слушатели, является наш настоящий флорентийский язык. Этот язык, на котором мы каждый день говорим, особенно способен принести писаниям большее совершенство, чем все другие». Сальвиати повторит эту мысль еще раз, говоря, что «писания и соответственно через них интеллект будут от нашего языка (*idioma*) иметь большее совершенство, чем от какого-либо другого»²[1,Р.26].

² Речи Сальвиати были подарены мне итальянским ученым Пьеро Каццолой, моим коллегой и другом.

Затем с помощью ряда аргументов он отстаивает достоинства флорентийского языка. Если даже допустить, говорит он (чего не намерен делать), что флорентийский язык менее совершенен и правилен, чем греческий и латинский, все равно в эти времена наши сочинения, совершеннее и лучше римских и афинских. Ведь нельзя отрицать, что благо настолько больше, насколько шире и насколько больше передается друг другу, а на одного, понимающего латинский, приходится 1000 говорящих, пишущих и выражающих свои мысли на флорентийском языке. Цель писания в том, чтобы быть понятым. Какое сравнение тогда между греческим, латинским и флорентийским языками? К тому же последний – живой язык, а живые вещи совершеннее и лучше мертвых [1,Р.26-27].

Итак, более широкое распространение существующего живого языка и большее его понимание людьми – первый аргумент в пользу его превосходства над древними языками.

Любопытны и другие доводы, которые Сальвиати выставляет в пользу преимуществ флорентийского языка. Латинский язык имел своим фундаментом монархию, в которой народы, подчиненные власти Рима, должны были изучать этот язык. Флорентийцы же по сравнению с римлянами не имеют никакой власти, ослаблены разногласиями, тем не менее «более далекие народы и нации более могущественные и те самые, которые имеют императорскую власть в мире, без насилия, но добровольно с невероятной жадностью изучают наш прекрасный язык. Какой это знак, слушатели, какое доказательство в пользу высшего совершенства»? [1,Р.29]. Довод Сальвиати о популярности флорентийского языка имел некоторое основание: язык (вольгаре и скорее всего флорентийский) был распространен во Франции, особенно в период Итальянских войн и после них, а также в Германии (при дворах поощрялось его знание).

И далее Сальвиати объясняет, почему «иностранные нации» по собственному побуждению желают узнать флорентийский язык и влекутся к этому с гораздо большей силой, чем те народы, которые неизбежно изучали латынь (Ibidem).

Сила языка и тяга к нему заключаются, на его взгляд, в сладости (*dolcezza*) языка, никакого языка никогда не было и никогда не будет, чтобы он мог сравниться с флорентийским в этой части (*Ibidem*). Сальвиати сравнивает флорентийский с греческим как более сладостным по сравнению с латинским и показывает те особенности флорентийского языка, которые дают ему сладость (окончание слов на гласные звуки, удвоение согласных не делающее произношение трудным и неприятным, как в греческом, отсутствие характерного для греческого придыхания, разрушающего сладость языка, сладчайшее произношение С и G, обогащающее язык, буква Z, невыразимо сладостная увеличенная рифма [*Idem*, P.30])

Для Сальвиати больше сладости в одной только канцоне Петрарки *Chiare fresche, e dolci acque*, чем в наиболее сладостном хоре Еврипида. «Итак, эта сладость, особый дар и привилегия нашего языка, является главным образом тем воротом (лебедкой), который тащит к себе с такой огромной силой более далекие народы и более могущественные нации» [*Ibidem*]. И она более, чем монархическая власть, и более чем что-либо другое, могла бы обеспечить вечность языку.

Интересно поставлен Сальвиати вопрос о флорентийском языке в его отношении к другим языкам Италии. В самой Италии на флорентийском языке, замечает он, лучше говорят во Флоренции, чем в другом месте. «Однако большая часть итальянских языков, не является столь отличной от него / флорентийского/, так что, если приложить все усилия теперь уже, как делают каждый день, чтобы изучить его, не случится ли, что в достаточно короткий срок вся Италия заговорит по-флорентийски. Когда это произойдет (что произойдет непременно быстро), мало преимуществ будет иметь в этой части язык римлян по сравнению с нашим». [*Idem*, P.30-31].

Возможно, в таком заключении Сальвиати обнадеживает тот факт, что флорентийский язык используют и в самой Италии. В Венеции, Милане, Неаполе, Генуе, замечает Сальвиати, народ говорит членораздельно, отчетливо (*articolatamente*), и однако там так пользуются флорентийским вольгаре, что

почти никто из нобилей иначе и не говорит и многие из них должным образом на письме выражают свои мысли [Idem, P.31].

Но все же не сладость флорентийского языка, на взгляд Сальвиати, обеспечивает его вечность, но превосходство флорентийских авторов. Сальвиати уверен, что по количеству работ язык приближается к древним, а по качеству работ флорентийских авторов язык Флоренции не остается позади ни одного из древних языков [Ibidem] Анакреонту и Пиндару, Еврипиду и Софоклу, Гомеру он противопоставляет Петрарку и Данте. «Изумительное чудо» Данте он ставит выше Вергилия. В поэтической манере Петрарки (у древних она была всецело сокровенной) Сальвиати видит одну из особых привилегий флорентийского языка, она заключается прежде всего в естественной честности (благопристойности), выраженной в серьезности и величии, взятых от религии; в этом флорентийский язык побеждает бесспорно латинский и греческий. Но Сальвиати этой темы более не касается, говоря, что она достойна обсуждения в другом месте.

Боккаччо Сальвиати считает одним из благороднейших писателей флорентийского языка. Он говорит о совершенстве «Декамерона», имея в виду стиль, который требуется для той материи, он даже сравнивает его с совершенным стилем в речах Цицерона и Демосфена. «Не знаю, можно ли найти вещь более приятную, более сладостную и более чистую, чем его последняя проза»[Idem,P.33].

Хваля и возвышая тречентистов, Сальвиати упрекает в отношении к ним своих сограждан. Имея столь благородных и столь хвалимых авторов и столь благородный и совершенный язык, флорентийцы, говорит он, тем не менее являются малыми знатоками самих себя. Флорентийцы не ценят авторов, унижают их и отбрасывают [Idem, P.31-32]. Они порицают стиль и манеру Боккаччо; не считают Данте, «это изумление и чудо», поэтом или высоким поэтом, пытаются оспорить древнее происхождение флорентийских авторов, их родину и место рождения. Более того, есть те, которым мало растерзать совершенных авторов, захватить у них родину; они пытаются еще похитить у

нас власть над языком, позволяют себе, не краснея, произносить непристойные слова. Язык, на котором пишут Петрарка, Боккаччо и говорим мы, это и их язык, а они его изгоняют; их язык полон мареммских слов, и, говоря по-мареммски³, они доказывают этим свою флорентийскость, что не может не вызывать смех [Idem, P.33-34].

Салютати приводит в сравнение греков, которые, высоко ценили поэтов, Гомера возносили до небес. Аристотель называет его божественным, даже Платон, изгоняющий поэтов из своего государства, его высоко ценит в «Ионе», а Плутарх приписывает ему семя и корни всех наук, всех искусств, всех знаний.

Соотечественников Сальвиати упрекает за бездействие, за неумение дать отпор хулителям тречентистов: «О непереносимая наглость. О новое и неслыханное высокомерие. И мы остаемся сидеть с опущенными руками, словно немые и неподвижные смотрим в лицо друг другу, и хотя пора бы обуздать их дерзость, мы продолжаем удивляться»[Idem, P.33].

В пример им ставится «достопочтеннейший Бембо», которому, говорит Сальвиати, Флоренция обязана и, возможно, обязана не менее, чем своим наиболее высоким авторам. Эти авторы (тречентисты) дали первую жизнь языку, а он своими доводами, своим авторитетом пробудил язык от сна, в котором тот находился уже многие годы. «Бембо был первым, кто возвратил его от этого тяжкого сна к сладчайшему плаванью под парусами» [Idem, P.34]. Бембо занимался сначала латинским и греческим языками; будучи в Италии того времени очень значительным человеком, он «обратился словно в один миг с великим старанием к поддержке этого языка, и по этой причине человек такой серьезности снизошел до написания деталей грамматических вещей», и в результате «мы имеем правила языка, написанные ученым кардиналом»(Ibidem). Сальвиати имеет в виду работу Бембо «Беседы о народном языке» (1525, но автор работал над ними уже в 1512).

³ Маремма это заболоченный морской берег, видимо, там существовал диалект, отличный от флорентийского, и использование мареммских слов засоряло флорентийскую речь.

3 книга «Бесед» Бембо, по словам М.Л.Андреева, является одной из первых итальянских грамматик; Бембо теоретически обосновал понятие единой языковой нормы и сформулировал правила для ее практического воплощения в языке. Его «Беседы» «не только указывают реальный путь для преодоления языкового полиморфизма, но и сообщают литературе на итальянском языке совершенно новый статус, сравнимый со статусом литератур Греции и Рима: подобно им, она обладает собственным списком классиков и выступает гарантом исторической сохранности национального языка» [4, С.163; см. также 7, С.72-78].

Но поскольку Бембо рожден в Венеции, то некоторые, замечает Сальвиати, обвиняют его в самонадеянности, говоря, что с надменной дерзостью он захотел дать правила их языка народам Тосканы. «Но на что они рассчитывают, искажая и клеветая на Бембо и на его работы и на сочинения Боккаччо? Сколько нам выдерживать эти несправедливости? Сколько терпеть нам их бесчестие в таком виде? Сколько они будут дурно и во зло пользоваться нашим долготерпением. Проснемся, проснемся однажды и сделаем то, что достойно души флорентийцев» [1, Р.34]

Критика Сальвиати Академии, возможно, связана с тем, что Академия не осуществила плана создать грамматику флорентийского языка. Академики не смогли договориться, что считать основой итальянского языка [12,С.280]. Глава Комиссии, созданной для этого, Джамбуллари отдельно написал свои «Правила флорентийского языка», это была первая итальянская грамматика, составленная флорентийцем, но она была рассчитана на нефлорентийцев – иноземцев и жителей других регионов Италии (год издания не обозначен, видимо, между 1546-48). Но на Джамбуллари Сальвиати не ссылается. Л.Г.Степанова отмечает неспешность флорентийцев. В то время как в создании итальянской грамматики участвовала вся Италия [10, С.404-405], флорентийские ученые не торопились этого сделать. Кроме того в системе образования итальянский не приживался. В школах XVI в. языком преподавания оставался латинский, народным языком запрещалось пользоваться, а те, кто говорил по-итальянски, подвергались

наказаниям. Варки вспоминает, как его вместе с товарищем чуть не выгнали из школы, когда учитель грамматики обнаружил, что они читают Петрарку [12, С. 282].

И все-таки в заключении Сальвиати оптимистически заявляет, что флорентийский язык, которому Академия даст правила, добудет науки из других языков, перенося их в свой. Язык сделает флорентийским гражданином Аристотеля и верно перенесет любую часть его философии в наш язык. Вся медицина, вся юриспруденция, вся священная теология будут читаться верно переведенные на флорентийский язык. В публичных штудиях будут читать не варвары и не по-варварски, но флорентийцы и по- флорентийски. «О какое величие, академики, обретет Академия, когда все школы, все штудии, все места, где наука или какое-либо знание публично передается, признают это место главой»[1, Р.35]. И Сальвиати надеется, что это время не далеко.

Итак, в хоре защитников флорентийского языка звучит и голос Леонардо Сальвиати . Он защищает флорентийский язык и лучших его представителей, великих тречентистов, и не видит разницы между их языком и живым флорентийским. Высоко и справедливо оценивает вклад Бембо. И выражает надежду на то, что флорентийский язык станет общеитальянским. В этом он был прав, поскольку именно флорентийский диалект стал основой итальянского языка. Но случится это далеко не сразу⁴.

Список литературы

[1] Salviati L. Orazione in lode della fiorentina lingua / Delle orazioni Del Cavalier Lionardo Salviati.- Firenze: Giunti,1575- P.23-36.

[2] Андреев М.Л. Данте// История литературы Италии.Т.І. Средние века. Отв.ред. М.Л.Андреев, Р.И.Хлодовский.- М: ИМЛИ РАН, 2000 - С.307-366.

[3] Бембо П. Рассуждения в прозе о народном языке. Пер. М.Л.Андреева// Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М.: 1980 - С.33-49.

⁴ Попытки В. Боргини ввести родной язык в школы Тосканы были безуспешными. Герцог Козимо Медичи, прислушавшись к его советам, поручил ему в 1571 г. создать учебник для школьного преподавания, но внедрить родной язык в школу не получилось. Только в XVIII в .итальянский был допущен в университетах, а во второй половине XVIII в.- в начальной и средней школе. .См. Степанова Л.,Г. Цит.соч. С. 344-345 (см. также ссылку 311).

- [4] Бембо П. Статья М.Л.Андреева в энциклопедии «Культура Возрождения». Т.1 М.: РОССПЭН, 2007 - С.162-163.
- [5] Гаспари А. Народный язык в XV столетии // Гаспари А. История итальянской литературы. Т.II. М.: Издание К.Т.Солдатенкова,1897 - С.161-197.
- [6] Данте. О народном красноречии. Пер. Ф.А. Петровского// Данте. Малые произведения. Под ред. И.Н.Голенищева-Кутузова. М.: Наука,1968 - С.270-404.
- [7] Иванова Ю.В. Бембо//История литературы Италии. Т.II. Возрождение. Кн.2. Чинквеченто. гл.2. Отв.ред.М.Л.Андреев. М.: ИМЛИ РАН, 2010 - С.56-78.
- [8] Макиавелли Н. Речь, или Диалог о нашем языке. Пер. Г.Д.Муравьевой // Сочинения великих итальянцев XVI века. Сост., вступ. ст., ком. Л.М.Брагиной. М.: Алетейя, 2000 - С.59-71.
- [9] Ревякина Н.В. Культура гуманитарной элиты и ее влияние на жизнь Италии // Средневековый город. Вып.24. Саратов: Изд-во Саратов. гос. политех. ун-та имени Гагарина Ю.А., 2014 - С. 23-34.
- [10] Степанова Л.Г. Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков. Ч.1-2. СПб: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2000 - С.499 с.
- [11] Степанова Л.Г. Из истории первых итальянских грамматик. Неизданные заметки современника на полях трактата Пьетро Бембо «Беседа о народном языке» (1525, кн.III). СПб: Наука, 2005 -278 с.
- [12]Топорова А.В. Спор о языке // История литературы Италии. Т.II. Возрождение. Кн.2.Чинквеченто. Гл.10. Отв.ред. М.Л.Андреев. М.: ИМЛИ РАН, 2010 - С.270-283.

